

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

ХАРЬКОВЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 (19) Декабря 1880 года.

ГОДЪ I.

Издатель А. А. Иозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

Главная Контора Газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Императорскаго Университета, № 7, при „Публичной Библиотекѣ“ Александра Александровича Иозефовича, принимающаго подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

Редакция газеты помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1; для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, врозь воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2 до 4 час. дня. Статьи, доставляемыя безъ означенія условий, признаются безплатными. Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

№ 7.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1881 ГОДА.

Изданіе А. А. Иозефовича, подъ редакціею А. Н. Стоянова, при ближайшемъ участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

Условія подписки:

На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки 10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою 12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. изъ городовъ 12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наждаго мѣсяца; но наждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иозефовича; такъ же принимаются объявленія.

Кромѣ того, подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Ловато Времени“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ П. Н. Шапошникова; въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Вьляно; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Бодякина.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Телеграммы. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣйствія правительства. IV. Внутреннія извѣстія: а) городовъ и земскихъ хроника. б) корреспонденціи. V. Оборонныя газеты и журналы. VI. Политическое обозрѣніе. VII. Вѣщанія корреспонденцій. VIII. Свѣтъ. IX. Выпускная хроника. X. Календарь. XI. Справочная свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

РЕДАКЦІИ ОБЪЯВЛЯЮТЪ ПОСТОЯННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СЛѢДУЮЩИМЪ ЛИЦАМЪ:

Проф. М. М. Алашеско, Н. С. Аидоковъ, А. А. Алашеско, Я. О. Вьляно, проф. П. Н. Воеводо, С. Я. Бьляковъ, проф. К. К. Гаттенбергеръ, проф. Л. Л. Гурьяновъ, П. Н. Горюновъ, А. Н. Гусевъ, Г. П. Данилевскій, проф. Д. М. Деларо, К. К. Дельцовъ, доц. А. Е. Зайцевъ, проф. О. А. Зеленогорскій, Н. Златовратскій, проф. А. И. Курьяновъ, доц. П. И. Ковалевскій, доц. Н. О. Курьяновскій, проф. В. Г. Лашевскій, проф. А. С. Лебедевъ, Е. Г. Левченко, А. П. Лукинъ, проф. Ю. И. Морозовъ, В. И. Мещеряковъ-Давыдовъ, Ф. Д. Переловъ, С. А. Пономинъ, П. П. Овсѣнниковъ, А. Б. Пальчикъ, проф. М. И. Петровъ, И. М. Соболевскій, проф. Е. И. Соколовскій, доц. Н. Ф. Суменовъ, Г. И. Успенскій, И. О. Февеко, проф. Л. С. Цинковскій, проф. Г. М. Цыгановскій, Г. С. Чирковъ, В. В. Чуйко, проф. А. П. Шамковъ, доц. К. Н. Урюговъ, проф. Н. К. Яковичъ и другіе.

Главная контора газеты проситъ гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газетъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 6-го декабря 1880 г. Телеграммы (отъ специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и отъ Международнаго Телегр. Агентства).

Вѣщанія профессора Венедикта — о подготовкѣ студентовъ-медиковъ.

Историческая хроника: Земскій отъѣздъ. Дальнейшее обозрѣніе докладовъ о земскомъ страхованіи — мѣры противъ пожаровъ. Отчеты урныи о состояніи народнаго здравья и медицинской части въ Харьковѣ въ 1879 году. — По поводу засѣданія историко-филологическаго общества Имп. Харьк. Университета. — Смертность отъ дифтеріи. — Осмотръ зданій общаго санитарнаго приюта. — Докладъ проф. А. П. Шамкова. — Изданіе записокъ Харьк. отд. Импер. Рус. техн. общества. — Спецкасса и маскарды въ пользу недостаточныхъ студентовъ Харьк. Ветеринарнаго Института. — Нѣкоторые неудобства нашей учебной жизни.

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Ростова на Дону. — Пожеланіе разсказъ земледѣльца г. Теремного. — Библиотека университета св. Владимира. — Такаса на хвѣбъ въ Полтавѣ. — Похищеніе дѣвъ на роэкѣ въ Николаевѣ и Воронежѣ. — Средство противъ чумы. — Преувеличенныя слухи о голодѣ въ Приволжскѣ. — Даровая столовая въ Саратовѣ. — Комиссія для окончательнаго ликвидаціи отъѣзжающаго солоннаго налога. — Восприимчивость къ чумѣ. — Гибель яхты „Жакеетъ“. — Извѣстіе о бывшей плуменѣ Митрофанѣ. — История возникновения въ Гибліи юмористическаго журнала „Фазага“.

Обозрѣніе газеты и журналовъ. Свѣтъ. Вѣщанія профессора Венедикта. Календарь. Справочная свѣдѣнія. Фельетонъ: „Любѣ“ (изъ памятной книжки), Гамба Успенскаго. Объявленія.

Харьковъ, 6 Декабря 1880 г.

Давно уже показано и доказано, какъ важны изученіе и наблюденіе государственной и общественной жизни у народовъ, имѣвшихъ тѣ, что можно назвать историческимъ опытомъ. Вотъ почему, между прочимъ, получаютъ такой интересъ внутреннія дѣла современной Франціи, которая служила, въ самую важную эпоху своей исторіи, главною ареною политическихъ опытовъ для всей Западной Европы. Даже нѣмецкіе писатели — конечно, за исключеніемъ публицистовъ, за направлениемъ и взглядами профессора Трейчке — сознаются, что не было, въ области политики и права, ни одного вопроса, который бы не подвергся переработкѣ на почвѣ Франціи, и притомъ, нѣрѣдко, въ интересахъ дальнѣйшаго движенія его среди прочихъ странъ и націй Западной Европы.

Замѣчанія эти, быть можетъ, заста-

вятъ читателей нашей газеты обратить серьезное вниманіе на парламентскія пренія, предстоящія въ скоромъ времени во Франціи по поводу дополненій къ новымъ избирательнымъ законамъ. Можно безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что отъ этихъ законовъ зависитъ, въ значительной степени, дальнѣйшая судьба нынѣ установленнаго порядка правленія во Франціи. Стоитъ бросить самый бѣглый взглядъ на исторію государственныхъ учрежденій этой страны, чтобы согласиться съ мнѣніемъ о существованіи между, даже неразрывной связи между избирательными законами и всею конституціею Франціи, — конституціею, которая построена на коренныхъ идеяхъ и началахъ: политическаго верховенства націи и всеобщаго голосованія, какъ практическаго приложенія этого верховенства самимъ народомъ. Безъ всеобщаго голосованія, другое основное начало государственнаго права Франціи — *souveraineté nationale* — сей часъ же обращается въ отвѣтственную и неопредѣленную идею, которая, быть можетъ, сослужила свою историческую службу въ моментъ перехода прежняго политическаго строя въ новый, но на которой (идеѣ) нельзя построить ничего прочнаго именно по причинѣ ея неуловимыхъ и абстрактныхъ очертаній. Вотъ почему, едва ли можно встрѣтить француза съ какимъ нибудь политическимъ образованіемъ, который бы не признавалъ, что государственное устройство его родины немисливо безъ надежныхъ обезпеченій для искренности и правильности дѣйствій при всеобщей подачѣ голосовъ.

Такимъ образомъ становится яснѣе, почему вопросы избирательнаго права, обезпеченіе которыхъ теперь на очереди во Франціи, могутъ и будутъ всегда имѣть вліяніе на политическое развитіе этой страны. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что дополненія къ законамъ о выборахъ, связанныя съ недавнимъ внесеннымъ проектомъ Барду, не могутъ коснуться основнаго начала въ организациіи избирательнаго права. Начало это — всеобщая подача голосовъ, *suffrage universel* — останется неизменною въ естественной простотѣ своей давнейшей уже формулы. Но простота и „естественность“ тѣхъ или другихъ юридическихъ и политическихъ началъ не всегда обезпечиваетъ собою легкость, послѣдовательность и вѣрность ихъ примѣненія. Мало того, чтобы высказать и даже съ точностью выразить извѣстное начало въ политической хартиі или въ законодательствѣ. Нужно еще развить изъ этого начала

цѣлое учрежденіе, какъ нѣчто живое, со всѣми возможными обезпеченіями и условіями для цѣлесообразной и полезной роли этого учрежденія въ данномъ государствѣ и обществѣ. Сколько намъ кажется, новый проектъ избирательнаго закона во Франціи кажется именно такой, до нельзя существенной стороны дѣла. Передъ членами законодательныхъ собраній французской республики будетъ поставленъ вопросъ, какой способъ избранія депутатовъ предпочтительнѣе: въ формѣ ли списка съ перечнемъ многихъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ избиратели могутъ дѣлать широкій выборъ своихъ представителей (*par scrutin de liste*)? Или же въ видѣ отдѣльнаго избранія только одного депутата въ данномъ избирательномъ округѣ (*scrutin uninominal, individuel*)? Далѣе, органы законодательной власти во Франціи должны будутъ рѣшить, какую административную единицу удобнѣе сдѣлать ареною политическихъ выборовъ: департаментъ, или округъ (*arrondissement*), т. е. часть департамента, подпадающая болѣе всего, по своему объему, къ небольшимъ провинціальнымъ подраздѣленіямъ въ Пруссіи, въ Австріи и даже въ Англіи (*Kreise, Counties*). Собственно говоря, вопросы эти не новые для Франціи, которая разрывала ихъ, еще въ 1848 году, въ пользу избранія по общимъ спискамъ въ департаментахъ. Но Наполеонъ III, въ 1852 году, отменилъ этотъ способъ, послѣ декабрьскаго переворота, и замѣнилъ его одноименнымъ выборомъ. По мнѣнію правительства тогдашней Франціи, избраннымъ въ отмененной имъ формѣ (*scrutin de liste*) „искажался актъ выбора“. Событія 1870 и 1871 годовъ снова возвратили силу прежней организациіи избирательнаго права во Франціи, вращившей судьбу свою Тьеру. Но затѣмъ опять совершился всѣмъ памятный переворотъ, удалившій этого государственнаго человека и выдвинувшій наполеоновскаго маршала въ роли президента. Тогда пресловутое правительство такъ называемаго „нравственнаго порядка“ наложило, по безприветвенному пригвѣру Бонапарта, руку свою на избирательное право, приурочивъ актъ выборовъ къ округу (*arrondissement*). Для насъ теперь ясно, что главная задача для предстоящей дѣятельности законодательной власти во Франціи сводится, въ данномъ вопросѣ, къ охранительной роли въ полномъ и хорошемъ смыслѣ этого слова. Можно даже предугадывать, что, въ наступающій случай, какъ и во многихъ другихъ примѣрахъ изъ новѣйшей ис-

торіи Европы, повторится въ парламентской борьбѣ очень своеобразное распредѣленіе политическихъ ролей. Люди и партіи, которымъ ставятъ въ укоръ ихъ либерализмъ, будутъ бороться за обезпеченіе и правильное развитіе установившагося порядка съ помощью новаго избирательнаго закона. Люди и партіи, которые присваиваютъ себѣ, какъ монополію, роль спасителей и охранителей государства и общества, будутъ стараться поколебать основы нынѣ установившагося государственнаго порядка, не допуская новаго закона. Изъ за частнаго случая — парламентской борьбы ради единичнаго закона о выборахъ — наблюденію нашему можетъ представиться, въ яркомъ свѣтѣ, очень любопытное, общее положеніе дѣлъ во Франціи. Политическіе кружки и партіи, стоящія, по идеямъ своимъ, въ близкой связи съ началами, которыя ненавиственны консерваторамъ Франціи, — эти политическіе кружки будутъ неуклонно держаться законности и конституціи. Группа политиковъ, имѣющая во Франціи исключительное притязаніе представлять собою идею порядка и спокойствія въ обществѣ, едва ли противостоятъ искренности — замѣнитъ, при первомъ удобномъ случаѣ, законность и конституцію административнымъ произволомъ и диктатурой, при которыхъ, конечно, оказались бы праднословными всѣ разговоры объ гарантіяхъ для правительнаго примѣненія избирательнаго закона въ полномъ согласіи съ конституціею. Въ разгарѣ самой парламентской борьбы, сторонники законодательства, согласнаго съ новымъ строемъ государства во Франціи, будутъ, вѣроятно, указывать на то, что защищаемая ими форма выборовъ (*scrutin de liste*) сообщаетъ возвышенный и безпристрастный характеръ одному изъ важнѣйшихъ актовъ государственной и общественной жизни; — что, только при такомъ способѣ избранія, депутаты будутъ представлять собою политическую идею страны, причѣмъ навсегда устранится зло официальныхъ кандидатуръ; — что лишь тогда ослабитъ вліяніе на составъ законодательныхъ учреждений со стороны людей безъ всякаго политическаго значенія, — гражданскихъ героев глухого захолустья и самонамныхъ гениевъ тѣхъ узкихъ кружковъ, которые такъ опасны повсюду: и въ наукѣ, и въ литературѣ и въ политическихъ вопросахъ. Противники новаго законодательства, въ свою очередь, могутъ остановиться на опасностяхъ касательно вѣроятнаго вліянія на избирателей со стороны вырванныхъ комитетовъ въ департаментахъ. По многимъ даннымъ, будетъ

непрѣменно повторяться на разные лады старинное мнѣніе бонапартовской эпохи, что только единичные выборы (по округамъ) способны предложить странѣ такихъ представителей, которые сами хорошо извѣстны избирателямъ и которымъ прекрасно вѣдомы мѣстные интересы избирающаго округа и т. д.

Вообще же трудно угадать всѣ тѣ изгибы, которые приметъ, въ часы и дни парламентской и газетной борьбы, политическая мысль людей двухъ противоположныхъ партій въ руководящихъ сферахъ Франціи. Предсказать съ точностью результатъ этой борьбы также не легко, хотя и можно, до нѣкоторой степени, предчувствовать: въ какую сторону способны теперь наклониться общественное мнѣніе. Серьезное дѣло государственныхъ людей Франціи будетъ состоять въ томъ, чтобы понять и установить: какое законодательство наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ и благо ихъ отечества? То ли, которое исторически связано, какъ нѣчто живое, съ нынѣ установившеюся формою правленія? Или же то, которое сопровождало, до позднѣйшаго времени, политическіе перевороты, рѣзко разошедшіеся съ основными и традиционными началами публичнаго права Франціи, отъ конца прошлаго столѣтія до нашихъ дней? Тотъ или другой отвѣтъ на поставленные вопросы укажетъ тѣ пути, которыми желаетъ идти сама французская нація къ цѣлямъ своего дальнѣйшаго политическаго усовершенія. Съ каждымъ днемъ, нѣрѣдко даже по поводу незначительныхъ случаевъ становится для этой націи все болѣе неотложнымъ рѣшительный выборъ между двумя формами государственной жизни: или дѣйствительнымъ, или же мнимымъ народовластіемъ съ новымъ, хотя бы и блестящимъ, диктаторомъ во главѣ.

Но гдѣ же всеобщій интересъ во внутреннемъ французскомъ вопросѣ? Имѣется ли здѣсь подобный интересъ на самомъ дѣлѣ? Намъ кажется, что отыскивается именно такая общенациональная сторона въ данномъ вопросѣ. Сущность послѣдняго сводится вотъ къ чему: при какихъ условіяхъ, обезпеченіяхъ и формахъ можно достигнуть, въ организациіи избирательнаго права наиболѣе соответствія между этимъ правомъ и прочнымъ политическимъ устройствомъ демократическаго, свободолюбиваго, не освоившагося выйдѣ парламентскою системою и очень подвижнаго народа.

Задача эта, какъ видно, не легка. Но одна постановка ея наглядно подтверждаетъ ту теоретическую и

ЛЮБЯ.

(Изъ памятной книжки).

I.

...У Иоанна Предтечи, на Лиговкѣ — храмовой праздникъ.

Это праздникъ, преимущественно, чернорабочаго народа; праздникъ мелкаго торговца, словомъ праздникъ людей „сѣрыхъ“, работящихъ; вся Лиговка, — длинная въ нѣсколько верстъ улица, какъ извѣстно населена именно этимъ сѣрымъ рабочимъ народомъ; здѣсь квартиры и дворы легковозовъ и троячковыхъ извозчиковъ, сѣнные склады, постоянные дворы для прѣбывающихъ подгородныхъ крестьянъ, масса кабаковъ, портняжескихъ, закусокныхъ, съѣстныхъ и т. д. Какъ бы дополненіемъ, продолженіемъ Лиговки служатъ съ одной стороны Обводный каналъ, пересѣкающій ее почти въ концѣ (если идти отъ вокзала николаевской дороги) и на всемъ своемъ громадномъ протяженіи густо обстроенной всевозможными фабриками и заводами и населенной тысячами чернорабочаго народа съ другой, — тоже рабочая окраина Петербурга, центромъ которой можно считать Лиговку, — продолжается за николаевскій вокзалъ по тому же Обводному каналу, шансельбургской дорогѣ,

далеко по Невѣ за село Рыбацкое. На всемъ этомъ пространствѣ не одного десятка верстъ, когда то раздѣлялись на слободы, села съ приходами, а въ настоящее время сливаются въ одну сплошную линію заводовъ и рабочихъ помѣщеній, — между рабочимъ народомъ образовалась какая-то связь, одинаковость интересовъ, работъ и заботъ. Конечно — желѣзныя дороги, соединяющія село Рыбацкое — дальній пунктъ Шансельбургской дороги, съ Нарвскою заставою, — дальній пунктъ Нарвскаго тракта, еще болѣе развили потребность общенія, вытекающую изъ одинаковости условій стотысячной массы народа, разселенной по петербургской окраинѣ. Неудивительно поэтому, что храмовые праздники, праздные приходы разныхъ церквей, расположенныхъ на этой рабочей дорогѣ, — дѣлаются мало помалу праздниками какъ бы общими для всей многотысячной рабочей колоніи. Изъ подъ села Рыбацкаго вѣдутъ праздновать въ Нарвскую заставу, на Митрофаньевское кладбище, изъ подъ Нарвской заставы, пересѣкаясь съ конки на конку, добираются въ гости въ село Рыбацкое, въ Смоленское, Александровское. Конечно — желѣзныя дороги очень много содѣйствуютъ удобствамъ передвиженія на такихъ дальнихъ разстоя-

ніяхъ. Церковь Иоанна Предтечи, находясь почти посреди дѣльной линіи, идущей по рабочей окраинѣ Петербурга, — привлекаетъ особенно много любителей погулять. Въ описываемый мною день, — вагоны — конно-желѣзныхъ дорогъ, усиленные количествомъ, ежедневно подвозили къ празднику съ отдаленнѣйшихъ окраинъ, масса рабочаго народа; еще большія массы шли пешкомъ, на ширяя все въ одну точку, къ новому мосту, — что у самого храма; часамъ къ двумъ, всѣ переулки, всѣ улицы, прилегающія къ Лиговкѣ и Обводному каналу, всѣ кабаки, всѣ харчевни, — все было переполнено народомъ; берега Обводнаго канала, обыкновенно весьма непривѣтливые, кое-гдѣ только покрытые тощей, обранной растительностью, вытоптанной стотысячными бурлаками, обыкновенно бичевою передвигающимися по каналу не только съ разнымъ, преимущественно строительными, матеріалами, — эти, пустынные берега по случаю праздника были, буквально, завалены народомъ; тутъ и сидѣли и лежали, и спали и „валялись“ въ той случайной позѣ въ которой свалился подгуляющаго человека хмѣль. Немало „валялось“ въ такихъ „невольныхъ“ позѣхъ и женщинъ, и даже малыхъ ребятъ изъ мастерскихъ лѣтъ по тринадцати;

много было и такихъ, которые сидѣли „тихо-благородно“ одѣвшись въ новые ситцевые сафарины и рубашки и скромно пощолкивая подсолнухи; но много было и крика и говора и шума; вагоны съ трудомъ пробивались въ этой сплошной толпѣ, наполюнутому отуманенный вихоръ, въ этой толпѣ обнимавшихся, шатавшихся, падавшихъ и прямо валявшихся лошадей подъ ногами. Неумолкаемый звонъ кондуктора, едва былъ слышенъ, въ морѣ всевозможныхъ звуковъ, криковъ, пѣсенъ, брани. Брань въ особенности энергическая, а главное, почти безпрерывная шла между кондукторами вагоновъ и публикой. Спорили и ругались изъ за сдачи, изъ за мѣста и т. д. Поминутно изъ всѣхъ силъ, до хрипоты, кондуктора вопіали: „вѣдь русскимъ языкомъ говорятъ нѣтъ мѣстовъ! Куда лѣзешь, говорятъ мѣстовъ нѣтъ! Тебѣ говорятъ невозможно стоять! Вотъ сейчасъ позову городского... Что это такое? и т. д. безъ конца.

Именно вотъ въ такой-то шумной, тѣсной, крикливой компаніи мнѣ пришлось вѣхать на верхушкѣ конки, подвизавшей рабочую публику отъ Нарвской заставы къ Иоанну Предтечи, къ празднику. Вѣхалъ я не вслѣдствіе какой либо необходимости, а единствен-

но вслѣдствіе желанія какъ нибудь искусственно утѣшить себя, *измѣнить*, — желаніе весьма странноподумаетъ читатель. Желаніе точно странное; но кто изъ провинціаловъ, заброшенныхъ на долгие годы въ столицу, не переживалъ по временамъ минутъ необычайной тоски, — и не собственно по родинѣ, — а по чему то уже почти позабытому, что столичная жизнь уже выѣла, но что *одну* становится ужасно жаль, такъ жаль, что не знаешь куда дѣться. Въ такіе минуты, это почти забываетъ, это спрятанное въ самый темный уголъ души, это ненужное въ столичной суетѣ, бѣготѣ, хлопотахъ, — вдругъ выйдеть изъ своего темнаго угла, заропщетъ, и застыдитъ тебя.... Особенно въ послѣдніе годы; кромѣ полузабытаго, и настоящее ежедневное сѣдладо петербуржца (да и не однихъ петербуржцевъ) ужасающею тоскою. Бывали минуты смертоубійственнаго холода, которымъ дышали жизнь, и въ такіе минуты тоска доходила до полнаго отчаянія. Вотъ въ такіе-то минуты необходимо было предпринять что-либо механическое, чтобы согрѣть себя, отгнать, почувствовать, чтобъ „забыться“ и заснуть, заснуть въ буквальномъ смыслѣ т. е. умять себя и свои нервы такъ чтобы нельзя было не заснуть... Вотъ въ одну изъ

подобныхъ минутъ я сѣлъ на верхушку конки, хорошо непомяну гдѣ, и добѣжалъ по линіи до конца, а тамъ пересѣлъ на новую, и поѣхалъ дальше... Толпа, чужіе люди, чужія рѣчи, толкотня, физическая усталость, — все это было хорошо какъ искусственное размыкваніе тоски...

II.

Очень — очень долго я нетолково покорно, а даже совсѣмъ нечувствительно относился къ толчкамъ и пинкамъ, которыми награждали меня сѣды, по верхушки конки, устремившіеся къ празднику. Долго я ощущалъ только одно, — что меня качаетъ спереди на задѣ, и что я поминутно стучаюсь спиной о спинку сидѣнія... Нѣкоторое время я совершенно спокойно смотрѣлъ на полу моего пальто, прожонную паширскую какою-то сосѣда, и, какъ кажется, полагалъ, что моя обязанность по отношенію къ прожонной дурѣ заключается только въ томъ, чтобы съ почтеніемъ вырвать на нее и вслѣски не пренятствовать ей, постоянно увеличивавшимся размѣрамъ... Нѣкоторая способность думать, чувствовать и слышать стали возвращаться ко мнѣ по мѣрѣ физическаго утомленія. Въ смыслѣ этого перехода отъ смерти къ жизни, немало помогъ

